

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-234-240

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАМИНСКАЯ Олеся Олеговна,

Адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета
МВД России, Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: l.lese4kina@yandex.ru

ЗАЩИТНИК ПО НАЗНАЧЕНИЮ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРЕДЕЛЫ ФОРМАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Аннотация. В статье исследуется реализация права на защиту при участии адвоката по назначению в досудебном производстве. Цель исследования состоит в определении критериев разграничения формального и реального обеспечения права на защиту. Используются формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы, а также анализ законодательства и правоприменительной практики. Обосновано, что деятельность назначенного адвоката должна оцениваться не только по наличию ордера и подписи в процессуальном документе, но и по фактической возможности осуществлять функцию защиты. К критериям реальной защиты отнесены своевременность вступления в дело, наличие времени для подготовки и конфиденциального общения, содержательность и независимость деятельности адвоката, а также проверяемость процессуально значимых обстоятельств. Рассмотрены проблемы непрерывности защиты, замены адвоката по соглашению и цифровизации назначения. Сделан вывод, что автоматизированное распределение поручений снижает риск подбора «удобного» адвоката, но не гарантирует качества юридической помощи. Научная новизна заключается в рассмотрении защитника по назначению как элемента механизма оценки фактической обеспеченности права на защиту.

Ключевые слова: право на защиту; защитник по назначению; досудебное производство; подозреваемый; обвиняемый; квалифицированная юридическая помощь; формальная защита; реальное обеспечение права на защиту; процессуальная непрерывность защиты.

KAMINSKAYA Olesya O.,

Adjunct Student at the St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

APPOINTED DEFENCE COUNSEL IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: THE BOUNDARIES BETWEEN FORMAL AND EFFECTIVE SAFEGUARDING OF THE RIGHT TO DEFENCE

Annotation. The article examines the implementation of the right to defence where legal assistance in pre-trial proceedings is provided by appointed defence counsel. The purpose of the study is to identify criteria for distinguishing between the formal and effective safeguarding of the right to defence. The research employs formal legal, systemic, functional, and comparative legal methods, as well as an analysis of legislation and law-enforcement practice. It is argued that the performance of appointed defence counsel should be assessed not only by reference to the existence of a counsel's warrant and signature in a procedural document, but also by determining whether counsel had a genuine opportunity to perform the defence function. The criteria for effective defence include timely entry into the proceedings, sufficient time for preparation and confidential communication, the substantive and independent nature of counsel's activities, and the verifiability of procedurally significant circumstances. The article addresses the continuity of legal representation, the replacement of retained counsel, and the digitalisation of appointment procedures. It concludes that the automated allocation of assignments reduces the risk of selecting a compliant or investigator-friendly lawyer but does not guarantee the quality of legal assistance. The scientific novelty of the study lies in treating appointed defence counsel as an element of the mechanism for assessing whether the right to defence has been effectively secured in practice.

Key words: right to defence; court-appointed defence counsel; pre-trial proceedings; suspect; accused person; qualified legal assistance; formal defence; effective safeguarding of the right to defence; procedural continuity of defence.

Проблема участия защитника по назначению в досудебном судопроизводстве в условиях цифровизации особо актуальна для современной уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики. По своему назначению данный институт должен гарантировать получение лицом квалифицированной юридической помощи в случаях, когда защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым или иными лицами, либо когда участие защитника является обязательным. Однако в практической деятельности ненадлежащее исполнение адвокатом по назначению своих профессиональных обязанностей может привести к тому, что его участие, призванное выступать необходимой гарантией реализации права на защиту, фактически превращается в средство формального подтверждения законности следственного или иного процессуального действия без обеспечения подозреваемому или обвиняемому полноценной квалифицированной юридической помощи. Именно различие между юридической (процессуальной) формой участия защитника и фактическим содержанием осуществляемой им защиты требует научного осмысления в рамках уголовно-процессуальной науки в целях выработки объективных критериев оценки надлежащего исполнения защитником своих профессиональных обязанностей, разграничения формального и реального обеспечения права на защиту, а также совершенствования следственной, судебной и дисциплинарной практики.

В доктрине уголовного процесса не сформирован единый подход к оценке деятельности защитника по назначению. Классическая процессуальная наука исходила из того, что защитник не является пассивным наблюдателем, а призван противодействовать нарушениям прав обвиняемого [1, с. 51]. Современная литература демонстрирует эту идею через понимание защиты как активной процессуально-тактической деятельности [2, с. 12]. Вместе с тем дискуссионными остаются пределы участия адвоката в доказывании, границы законной тактики защиты и злоупотребления правом, а также допустимость участия назначенного защитника при наличии ранее вступившего защитника по соглашению [3, с. 20-25; 4, с. 35-37; 5; 6].

Исследование основано на формально-юридическом, системном, функциональном и сравнительно-правовом методах и направлено на определение критериев разграничения формального и реального обеспечения права на защиту.

Научная новизна состоит в рассмотрении защитника по назначению как элемента механизма оценки фактической обеспеченности права на защиту по объективным признакам его профессиональной деятельности.

Право на защиту на досудебных стадиях

уголовного судопроизводства

Право на защиту имеет сложную правовую природу ведь оно выступает субъективным правом лица, принципом уголовного процесса и обязанностью государства создать условия для его реального осуществления. На стадии возбуждения уголовного дела, когда процессуальный статус лица еще не определен, данное право проявляется как гарантия лица, в отношении которого проводятся действия при проверке сообщения о преступлении. На основании ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ такому лицу разъясняются права и обязанности, обеспечивается возможность пользоваться услугами адвоката и обжаловать действия, бездействие и решения должностных лиц. Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Поэтому значимые для дальнейшего доказывания процессуальные действия, затрагивающие непосредственно права и свободы лица, не должны формироваться до фактического обеспечения доступа к защитнику.

На стадии предварительного расследования содержание права на защиту приобретает более развернутый характер, подозреваемый или обвиняемый вправе знать существо подозрения либо обвинения, давать показания или отказаться от их дачи, пользоваться помощью защитника, иметь свидание с ним наедине и конфиденциально, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы, участвовать в следственных действиях и использовать иные не запрещенные средства защиты. Следовательно, право на защиту в досудебном судопроизводстве не сводится к наличию ордера адвоката в материалах доследственной проверки или уголовного дела, а предполагает возможность лица совместно с защитником выработать позицию и повлиять на формирование доказательственной базы.

Именно здесь возникает ключевое различие между формальным и реальным обеспечением права на защиту. Формальное обеспечение выражается во внешней видимости соблюдения действующего законодательства: адвокат назначен, удостоверение предъявлено, ордер представлен, следственное или процессуальное действие проведено в присутствии защитника, процессуальный документ (протокол, постановление) подписан. Реальное обеспечение означает, что адвокат своевременно приступает к осуществлению своей профессиональной деятельности, конфиденциально общается с доверителем, формирует согласованную позицию, анализирует доказательства, выявляет нарушения, заявляет ходатайства, задает вопросы, вносит замечания и

действует в интересах лица, подвергающегося уголовному преследованию. Данный подход согласуется с европейским стандартом права на защиту. В обобщении практики Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) посвященном применению п. 1 и подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что в деле *Beuze v. Belgium* Суд выделил право на контакт и консультацию с адвокатом до допроса, включая конфиденциальные инструкции, а также физическое присутствие адвоката при первом полицейском допросе и последующих допросах на досудебной стадии [7]. В деле *Soytemiz v. Turkey* Суд подчеркнул, что адвокат должен не только находиться рядом с подозреваемым, но и активно помогать ему во время допроса, вмешиваться для защиты прав и участвовать до прочтения и подписания показаний [7; 8].

Для российской модели досудебного судопроизводства такой подход особенно актуален, поскольку нарушение права на защиту на первоначальном этапе способно повлиять на формирование доказательственной базы и последующее процессуальное положение лица.

Речь идет не о противопоставлении защитника по соглашению и защитника по назначению как более или менее качественных участников процесса. Назначенный адвокат обладает теми же профессиональными обязанностями и тем же процессуальным назначением, что и приглашенный защитник. Проблема возникает не из самого факта назначения, а из ситуации, когда назначение используется для минимального соблюдения процессуальной формы без создания условий для подготовки, консультации и отстаивания самостоятельной правовой позиции. Следовательно, предметом критической оценки является не институт назначения как таковой, а его формальное применение.

Активность защитника и пределы злоупотребления правом

Одним из критериев реальной защиты является участие адвоката в проверке информации, имеющей доказательственное значение, сформированное уже стороной обвинения, а также в получении контринформации. Так, к примеру, вопрос о доказательственном значении адвокатского опроса остается дискуссионным. В одних случаях результаты опроса рассматриваются как «иной документ» в смысле ст. 74 и 84 УПК РФ, в других не признаются самостоятельным доказательством из-за невозможности проверки источника сведений или отсутствия последующего допроса соответствующего лица [9]. Представляется, что адвокатский опрос не должен автоматически подменять процессуальные доказательства, но обязан рассматриваться как юридически значимый источник сведений, требующий проверки

путем допроса, истребования документов, очной ставки либо производства иных следственных действий. В противном случае иной подход сужает поведение защитника до пассивного реагирования на доказательственную деятельность обвинения.

Активность защитника не должна смешиваться с противодействием расследованию, затягиванию процессуальных сроков, нарушению прав иных участников уголовного судопроизводства. Адвокат не обладает властными полномочиями по принудительному собиранию доказательств, однако это не делает его участие в доказывании факультативным. При осуществлении досудебного судопроизводства, где сторона обвинения самостоятельно направляет ход расследования, активность защитника является одним из механизмов компенсации процессуальной асимметрии. Поэтому требование времени для конфиденциальной консультации, заявление ходатайств о проверке версии защиты, назначении дополнительной экспертизы, несогласие с незамедлительным допросом или внесение замечаний в протокол не должны автоматически квалифицироваться как злоупотребление правом. Критерием должна быть не степень неудобства для органа расследования, а наличие разумной цели, направленной на защиту лица, а также связь действия с интересами доверителя.

Процессуальная непрерывность защиты и проблема «двойной защиты»

Современная модель уголовного судопроизводства исходит из уведомительного, а не разрешительного характера допуска защитника, с предъявлением удостоверения и ордера, у органа расследования возникает обязанность учитывать его процессуальный статус, уведомлять о действиях, затрагивающих права доверителя, и обеспечивать возможность реализации полномочий [4, с. 13]. Если в деле последовательно появляются несколько защитников, само по себе это не нарушает право на защиту. Проблема возникает тогда, когда новый назначенный защитник фактически замещает ранее вступившего адвоката без отказа обвиняемого от его помощи и без мотивированного разрешения вопроса о невозможности участия прежнего защитника.

Такую ситуацию целесообразно оценивать через категорию процессуальной непрерывности защиты. Она предполагает сохранение полномочий вступившего защитника до их надлежащего прекращения, отсутствие письменного и добровольного отказа обвиняемого, надлежащее уведомление адвоката, выяснение позиции доверителя и предоставление защитнику возможности участвовать в предъявлении обвинения, допросе, заявлении ходатайств, окончании следственных действий и ознакомлении с материала-

ми дела. Показателен пример из следственной практики: 19 марта 2025 г. заместителем прокурора Республики Карелия для дополнительного расследования возвращено уголовное дело по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Наряду с адвокатом по соглашению в деле участвовали два назначенных защитника, письменных отказов от их помощи не имелось. Один из них не был уведомлён о предъявлении обвинения и допросе, позиция обвиняемой относительно его участия не выяснялась. Назначенные защитники также не уведомлялись об окончании следственных действий и не были допущены к ознакомлению с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Этот пример показывает, что множественность ордеров сама по себе не обеспечивает реальность защиты.

Разрыв сложившейся связи между обвиняемым и вступившим в дело защитником допустим при надлежащем отказе от его помощи, прекращении полномочий либо объективно подтверждённой невозможности участия.

Проблема «двойной защиты» требует учета двух противоположных процессуальных опасностей. Первая опасность состоит в том, что под предлогом пресечения злоупотребления правом орган расследования может устранить «неудобного» защитника по соглашению и заменить его назначенным адвокатом. Вторая – в возможности искусственного затягивания расследования путем необоснованной смены адвокатов, неявки защитника или иных действий, не имеющих разумной цели защиты. Поэтому назначение защитника при наличии адвоката по соглашению допустимо только как исключительный механизм, при наличии фактического и правового обоснования злоупотребления правом, а не как обычный способ преодоления активной позиции защитника [4, с. 35-37].

Российская дисциплинарная практика демонстрирует, что формальная или заместительная модель защиты может повлечь применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности: замечание, предупреждение либо прекращение статуса. Так, Совет Адвокатской палаты г. Москвы в 2026 г. признал нарушением участие назначенного адвоката в следственных действиях до истечения 24 часов с момента фактического задержания доверителя и при отсутствии достоверного подтверждения невозможности явки защитника по соглашению, мерой дисциплинарной ответственности стало предупреждение [10]. Наиболее строгая мера применяется, когда формальность защиты сопряжена с грубым нарушением профессиональных обязанностей. Так, Совет Адвокатской палаты г. Москвы прекратил статус адвоката, который подписал протоколы допроса доверителя без фактического ознакомления, не

внес замечаний, а затем дал следствию показания, противоречившие позиции доверителя [11]. Совет Адвокатской палаты Ленинградской области по делу № 21/2023 прекратил статус адвоката, вступившего в уголовное дело в обход правил назначения и принципа непрерывности защиты [12]. В другом деле, связанном с фактическим самоустранением от защиты и согласием с произвольной заменой защитника, было применено дисциплинарное наказание в виде предупреждения [13]. Эти примеры подтверждают, что формальная защита является нарушением обязанности адвоката (защитника) действовать честно, разумно, добросовестно, квалифицированно и независимо.

Статистика, цифровизация назначения и критерии реальной защиты

Проблема формальной и не эффективной защиты имеет системный характер, даже добросовестный назначенный в установленном порядке адвокат на практике может быть поставлен в условия, при которых он приглашен непосредственно перед следственным действием, не знаком с материалами, не имеет времени на консультацию и объективно не способен сформировать позицию. Российские статистические данные подтверждают практическую значимость контроля за качеством исполнения адвокатами профессиональных обязанностей. Отдельная статистическая категория «формальная защита в досудебном производстве» не выделяется, поэтому такие случаи отражаются в более широких группах: ненадлежащее исполнение обязанностей перед доверителем, нарушение профессиональной этики, порядка участия по назначению и принципа непрерывности защиты. За 2023-2024 гг. поступило 22 186 жалоб и обращений; квалификационные комиссии рассмотрели 9053 жалобы, 2927 прекращены без вынесения решения, 5511 адвокатов получили замечания и предупреждения, 615 лишены статуса; из числа прекращения статуса 107 связаны с неисполнением обязанностей перед доверителем, 28 из них – с уголовным судопроизводством по назначению [14, 15]. Региональные данные также показательны, так, в адвокатской палате Московской области во втором полугодии 2024 г. рассмотрено 253 дисциплинарных дела, проступок установлен по 189 делам [16]; в адвокатской палате Республики Дагестан за тот же период рассмотрено 88 дисциплинарных производств, нарушения доказаны по 46 обращениям, применены 22 замечания, 18 предупреждений и 6 прекращений статуса [17].

Значимость организационного механизма назначения подтверждается развитием подсистемы автоматизированного распределения между адвокатами поручений на защиту по назначению Комплексной информационной системы адвокатуры России (далее – КИС АР). В 2024 г. Феде-

ральная палата адвокатов Российской Федерации сообщала о решении перейти всем адвокатским палатам на подсистему автоматизированного распределения поручений к 1 октября 2025 г. На тот момент в системе было размещено около 1,5 млн. заявок [18]. По данным Центра внедрения и эксплуатации КИС АР, к 4 марта 2026 г. в подсистеме автоматизированного распределения поручений было сформировано более 2,5 млн заявок [19]. Автоматизированное распределение снижает риск ручного подбора адвоката, однако цифровой след подтверждает лишь организационную сторону назначения и не свидетельствует о содержательности оказанной помощи.

С учетом изложенного, по нашему мнению, реальное обеспечение права на защиту при участии назначенного адвоката должно оцениваться по следующим критериям:

своевременность вступления адвоката (защитника) – адвокат (защитник) должен быть допущен к участию до начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, а также до закрепления сведений, способных существенно повлиять на его процессуальное положение и последующее формирование доказательственной базы обвинения;

наличие разумного времени для подготовки и конфиденциального общения - защитнику должна быть обеспечена возможность до начала допроса либо иного значимого процессуального действия наедине и конфиденциально обсудить с доверителем позицию, согласовать ее, ознакомиться с необходимыми процессуальными документами и определить способы защиты;

содержательность участия защитника – реальное использование адвокатом предоставленных законом полномочий в интересах доверителя: постановка вопросов, заявление ходатайств и отводов, принесение жалоб, внесение замечаний в протокол, представление сведений и документов, а также применение иных не запрещенных законом средств защиты;

независимость защитника от интересов органа предварительного расследования – осуществление адвокатом защиты как самостоятельной профессиональной деятельности в интересах доверителя, без подмены функции защиты содействием стороне обвинения либо формальным подтверждением законности следственных действий;

проверяемость процессуально значимых обстоятельств – документальная фиксация уведомления защитника, отказа от защитника, факта предоставления конфиденциального общения, а также заявленных ходатайств, жалоб, замечаний и иных процессуальных возражений.

Предложенные критерии могут использоваться следователем и дознавателем при обеспе-

чении участия защитника, прокурором и судом - при проверке соблюдения права на защиту, адвокатской палатой - при профессионально-этической оценке поведения адвоката.

Предложенная модель позволяет разделить процессуально допустимую сдержанность тактики защиты от формального участия адвоката, свидетельствующего о нарушении реального обеспечения права на защиту. Ведь не всякое отсутствие ходатайств или жалоб свидетельствует о ненадлежащей защите, адвокат может сознательно избрать сдержанную тактику, если она согласована с доверителем и основана на анализе материалов уголовного дела. Формализация возникает тогда, когда пассивность не объясняется защитительной целью, а обусловлена отсутствием подготовки, несогласованностью позиции, игнорированием существенных процессуальных нарушений либо подменой ранее выбранного защитника. Именно поэтому оценка должна быть конкретной и фактической, а не автоматической.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что формальная защита представляет собой самостоятельную процессуальную проблему досудебного судопроизводства. Ее опасность состоит в том, что при внешнем соблюдении закона фактически снижается способность лица противостоять преследованию на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В связи с этим, основной критерий разграничения формальной и реальной защиты должен проходить не по факту допуска адвоката, наличию ордера или подписи в протоколе, а по фактической возможности осуществления функции защиты.

Российские статистические данные, дисциплинарные производства адвокатских палат, а также зарубежная практика подтверждают общий вывод: доступ к адвокату как процедура и эффективная защита как содержание права не совпадают. Реальная защита предполагает своевременную, независимую, профессионально подготовленную, активную и согласованную с доверителем деятельность адвоката. Только при таком подходе защитник по назначению перестает быть процессуальным статистом и выполняет свое подлинное назначение – обеспечивает реальное право на защиту, противодействуя уголовному преследованию.

Список литературы:

- [1] Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. - М.: Наука, 1984. - 143 с.
- [2] Поляков И. М. Стратегия и тактика уголовной защиты: научно-практическое пособие. - М.: Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, 2026. - 336 с.

[3] Набатов М. Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий / под ред. Л. А. Воскобитовой. - М.: Информ-Право, 2025. - 256 с.

[4] Багрян А. А. Вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда: методические рекомендации. - М.: Информ-Право, 2024. - 56 с.

[5] Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования: монография. - М.: Юрлитинформ, 2014. - 336 с.

[6] Воложанин С. Н., Буфетова М. Ш. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. - 2021. - № 6. - С. 47-50.

[7] European Court of Human Rights. Key Theme - Article 6 §§ 1 and 3 (c). Access to a lawyer. Last updated: 28 February 2026. URL: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/access-to-a-lawyer> (дата обращения: 11.07.2026).

[8] Soytemiz v. Turkey, no. 57837/09, Judgment of 27 November 2018 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187905> (дата обращения: 11.07.2026).

[9] Брянская Е. В. Адвокатский опрос как «иное доказательство» по уголовному делу // Уголовный процесс. 2026. № 5. URL: <https://e.ugpr.ru/1180852> (дата обращения: 11.07.2026).

[10] Совет объявил предупреждение адвокату за участие в следственных действиях в качестве назначенного защитника до истечения 24 часов с момента фактического задержания доверителя и в отсутствие достоверного подтверждения невозможности явки защитника по соглашению // Адвокатская палата города Москвы. 29.06.2026. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/15851/> (дата обращения: 11.07.2026).

[11] Адвокат подписал протокол допроса своего доверителя без ознакомления, а затем дал показания следствию, которые противоречили позиции его доверителя. Совет АПМ прекратил статус адвоката // Адвокатская палата города Москвы. 09.04.2025. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/14624/> (дата обращения: 11.07.2026).

[12] Вступивший в уголовное дело в обход правил, «карманный» адвокат был изгнан из профессии: решение Совета Адвокатской палаты Ленинградской области по делу № 21/2023 // Адвокатская палата Ленинградской области. URL: <https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/reshenie-soveta-ap-lo-delo-21-2023/> (дата обращения: 11.07.2026).

[13] Адвокату вынесено предупрежде-

ние за отказ от защиты по назначению без уважительных причин // Адвокатская газета. 11.03.2026. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-vyneseno-preduprezhdenie-za-otkaz-ot-zashchity-po-naznacheniyu-bez-uvazhitelnykh-prichin/> (дата обращения: 11.07.2026).

[14] Адвокатские палаты за два года лишили статуса адвоката 615 человек // Право.ru. 18.04.2025. URL: <https://pravo.ru/news/258335/> (публикация со ссылкой на сведения адвокатского сообщества; дата обращения: 12.07.2026).

[15] Судебное представительство - это вершина юридической работы // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 27.10.2025. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sudebnoe-predstavitelstvo-eto-vershina-yuridicheskoy-raboty/> (дата обращения: 12.07.2026).

[16] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2024 г. // Федеральная палата адвокатов РФ. 15.01.2025. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-moskovskoy-oblasti-za-vtoroe-polugodie-2024-g/> (дата обращения: 11.07.2026).

[17] Обзор дисциплинарной практики за второе полугодие 2024 года // Адвокатская палата Республики Дагестан. URL: https://advokatrd.ru/disciplinary-practices/disciplinary-practices_556.html (дата обращения: 11.07.2026).

[18] Всероссийский съезд адвокатов транслировался в прямом эфире // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 20.04.2023. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pryamoy-efir-xi-vserossiyskogo-sezda-advokatov/> (дата обращения: 12.07.2026).

[19] Система работает, регионы последовательно подключаются: количество поручений в АРПН КИС АР превысило 2,5 миллиона // Федеральная палата адвокатов РФ. 04.03.2026. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sistema-rabotaet-regiony-posledovatelno-podklyuchayutsya/> (дата обращения: 11.07.2026).

References:

[1] Strogovich M.S. The right of the accused to defense and the presumption of innocence. - М.: Nauka, 1984. - 143 s.

[2] Polyakov I.M. Strategy and tactics of criminal defense: a scientific and practical manual. - М.: Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, 2026. - 336 p.

[3] Nabatov M. B. Realization of the right to protection in criminal proceedings in the context of the use of digital technologies/ed. L. A. Voskobitova. - М.: Inform-Right, 2025. - 256 s.

[4] A. A. Bagryan. Introduction of a lawyer

into a criminal case as a defender by appointment of bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation or court: methodological recommendations. - M.: Inform-Law, 2024. - 56 s.

[5] Baev M.O. Theoretical and practical foundations of professional protection against criminal prosecution: monograph. - M.: Yurlitinform, 2014. - 336 p.

[6] Volozhanin S. N., Bufetova M. Sh. On topical problems of participation of a lawyer-defender in evidence in criminal cases // Legal practice. - 2021. - № 6. - S. 47-50.

[7] European Court of Human Rights. Key Theme - Article 6 §§ 1 and 3 (c). Access to a lawyer. Last updated: 28 February 2026. URL: <https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/access-to-a-lawyer> (дата обращения: 11.07.2026).

[8] Soytemiz v. Turkey, no. 57837/09, Judgment of 27 November 2018 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187905> (access date: 11.07.2026).

[9] Bryansk E.V. Lawyer survey as "other evidence" in a criminal case // Criminal process. 2026. № 5. URL: <https://e.ugpr.ru/1180852> (accessed: 11.07.2026).

[10] The Council issued a warning to the lawyer for participating in investigative actions as a designated defender until 24 hours from the moment of the actual detention of the client and in the absence of reliable confirmation of the impossibility of the lawyer's appearance by agreement // Moscow Bar Association. 29.06.2026 URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/solutions/15851/> (accessed on: 11.07.2026).

[11] The lawyer signed the protocol of interrogation of his client without familiarization, and then gave testimony to the investigation, which contradicted the position of his client. APM Council terminated the status of a lawyer // Moscow Bar Association. 09.04.2025 URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/14624/> (accessed on: 11.07.2026).

[12] Having entered into a criminal case bypassing the rules, the "pocket" lawyer was expelled from the profession: the decision of the Council of the Leningrad Region Bar Association in case No. 21/2023 // Leningrad Region Bar

Association. URL: <https://aplo.fparf.ru/documents/chamber/distsiplinarnaya-praktika/reshenie-soveta-ap-lo-delo-21-2023/> (дата обращения: 11.07.2026).

[13] A lawyer was warned for refusing to defend himself without good reason // Lawyer's newspaper. 11.03.2026. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-vyneseno-preduprezhdenie-za-otkaz-ot-zashchity-po-naznacheniyu-bez-uvazhitelnykh-prichin/> (дата обращения: 11.07.2026).

[14] For two years, the Chambers of Lawyers deprived 615 people of the status of a lawyer // Право.ru. 18.04.2025. URL: <https://pravo.ru/news/258335/> (publication with a link to the information of the legal community; date of contact: 12.07.2026).

[15] Judicial representation is the pinnacle of legal work // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 27.10.2025. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sudebnoe-predstavitelstvo-eto-vershina-yuridicheskoy-raboty/> (дата обращения: 12.07.2026).

[16] Review of the disciplinary practice of the Moscow Region Bar Association for the second half of 2024 // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 15.01.2025. URL: <https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-moskovskoy-oblasti-za-vtoroe-polugodie-2024-g/> (дата обращения: 11.07.2026).

[17] Review of disciplinary practice for the second half of 2024 // Bar of the Republic of Dagestan. URL: https://advokatrd.ru/disciplinary-practices/disciplinary-practices_556.html (дата обращения: 11.07.2026).

[18] The All-Russian Congress of Lawyers was broadcast live // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 20.04.2023. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pryamoy-efir-xi-vserossiyskogo-sezda-advokatov/> (дата обращения: 12.07.2026).

[19] The system works, the regions are sequentially connected: the number of orders in the ARPN KIS AR exceeded 2.5 million // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 04.03.2026. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sistema-rabotaet-regiony-posledovatelno-podklyuchayutsya/> (дата обращения: 11.07.2026).

